

ББК 63.4

Записки Института истории материальной культуры РАН. СПб.: ИИМК РАН, 2018. № 17. 216 с.

ISSN 2310-6557

Transactions of the Institute for the History of Material Culture. St. Petersburg: IHMC RAS, 2018.
No. 17. 216 p.

Редакционная коллегия: Е. Н. Носов (главный редактор), В. А. Алёшкин, С. В. Белецкий, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, Л. Б. Вишняцкий, М. Т. Кашуба, Л. Б. Кирчо (заместитель гл. редактора), А. К. Очередной, а также А. А. Бессуднов, С. А. Васильев, М. Н. Желтова, К. Н. Степанова

Editorial board: E. N. Nosov (editor-in-chief), V. A. Alekshin, S. V. Beletsky, M. Yu. Vachtina, Yu. A. Vinogradov, L. B. Vishnyatsky, M. T. Kashuba, L. B. Kircho (deputy editor), A. K. Otcherednoi and A. A. Bessudnov, S. A. Vasiliev, M. N. Zheltova, K. N. Stepanova

Издательская группа: Л. Б. Кирчо, В. Я. Стёганцева

Publishing group: L. B. Kircho, V. Ya. Stegantseva

В № 17 «Записок ИИМК РАН» публикуются научные исследования в области изучения древнекаменного века Восточной Европы, представленные на Международной научной конференции «Плейстоцен и палеолит Русской равнины: развитие идей комплексного подхода», посвященной 80-летию со дня рождения выдающегося исследователя палеолита Н. Д. Праслова.

Издание адресовано археологам, культурологам, историкам, музейщикам, студентам исторических факультетов вузов.

The 17th issue of the «Transactions of IHMC RAS» features papers focused on the Old Stone Age of East Europe, which were presented at the International scholarly conference «The Pleistocene and Paleolithic of the Russian Plain: the development of complex approach» dedicated to the 80th birth anniversary of N. D. Praslov.

The volume is intended for archaeologists, culturologists, historians, museum workers, and students of historical faculties.

ISSN 2310-6557

© Институт истории материальной культуры РАН, 2018
© Авторы статей, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Николай Дмитриевич Праслов: ученый и человек

- С. А. Васильев, М. Н. Желтова.* «Плейстоцен и палеолит Русской равнины: развитие идей комплексного подхода». Международная конференция, посвященная 80-летию со дня рождения Н. Д. Праслова 9
- А. А. Синицын.* Н. Д. Праслов и формирование модели культурно-хронологической дифференциации палеолита Костёнок. 12
- А. Н. Бессуднов.* О роли Н. Д. Праслова в становлении липецкой археологии 21
- И. В. Котлярова.* Николай Дмитриевич Праслов – учитель и наставник 25
- М. В. Константинов, Т. А. Константинова.* Штрихи к биографии первооткрывателя древнего поселения Костёнки ученого Ивана Полякова 31

Новые исследования палеолита в Костёнках

- М. Н. Желтова, Н. Е. Зарецкая.* Новые данные по хроностратиграфии Костёнок 1, слой I 37
- А. Е. Дудин.* Планиграфия третьего комплекса культурного слоя Ia стоянки Костёнки 11 45
- С. Н. Лисицын.* Находки артефактов стрелецкого культурного облика на стоянке Борщёво 5 в Костёнковско-Борщёвском палеолитическом районе на Дону 55
- А. А. Бессуднов.* Предварительные результаты спасательных археологических работ на стоянке Костёнки 21 (Гмелинская) в 2013–2016 гг. 62

Древний каменный век Русской равнины

- А. К. Очередной, Е. В. Воскресенская, К. Н. Степанова, Л. Б. Вишняцкий, П. Е. Нехорошев, А. В. Ларионова, Н. Е. Зарецкая, Е. К. Блохин, А. В. Колесник.* Комплексные геоархеологические исследования среднепалеолитических памятников Русской равнины 74
- С. Ю. Лев.* Новые памятники палеолита в Зарайске 84
- Г. А. Хлопачев.* Опыт реконструкции плана и некоторые особенности структуры Юдиновского верхнепалеолитического поселения 97
- Н. Б. Ахметгалеева, Н. Д. Бурова.* Новые горизонты исследований на многослойной стоянке Быки-7 в Курской области 107
- Н. Б. Леонова, Е. А. Виноградова.* Основной культурный слой Каменной Балки II: новые данные по материалам раскопок 2014–2017 гг. 117
- А. В. Ларионова, К. Н. Степанова.* Контекст обнаружения отбойников на среднепалеолитической стоянке Кетросы, комплекс 1, основной слой 126
- А. В. Колесник.* Памятники «восточномикокского типа» Донбасса и Северо-Восточного Приазовья 141

Открытия в Крыму и на Кавказе

- В. Е. Щелинский.* Раскопки раннеплейстоценовой стоянки Кермек в Южном Приазовье в 2017 г. 151
- С. А. Кулаков.* Крупные рубящие орудия в индустрии раннепалеолитической стоянки Богатыри/Синяя Балка 165
- К. Н. Гаврилов, М. Г. Жилин.* Местонахождения каменного века Керченского полуострова: предварительные результаты рекогносцировок 2016–2017 гг. 171

Краски и украшения в палеолите

- С. А. Демещенко.* Образцы минеральных пигментов и окрашенные предметы из Костёнок в собрании Государственного Эрмитажа 181
- В. С. Житенёв.* Следы практик совместного использования краски и глины в Каповой пещере: предварительное сообщение 188
- Г. В. Синицына, И. А. Григорьева, Е. Ю. Медникова.* Гравировка на гальке (по материалам стоянки каменного века Ланино I/8 в Тверской области) 195

Методы фиксации в полевых исследованиях

- Е. М. Колпаков.* Электронные технологии в полевых исследованиях (Кольский камеральный комплекс) 208
- Список сокращений 213

CONTENTS

RESEARCH PAPERS

Nikolai Dmitrievich Praslov as a scholar and a person

- S. A. Vasiliev, M. N. Zheltova.* «The Pleistocene and Paleolithic of the Russian Plain: the development of complex approach». International conference dedicated to the 80th birth anniversary of N. D. Praslov. 9
- A. A. Sinitsyn.* N. D. Praslov and the formation of the model of cultural and chronological differentiation of the Paleolithic of Kostenki 12
- A. N. Bessudnov.* N. D. Praslov's role in the making of archaeology at Lipetsk. 21
- I. V. Kotlyarova.* Nikolai Dmitrievich Praslov — the teacher and the tutor 25
- M. V. Konstantinov, T. A. Konstantinova.* A few strokes to the biography of Ivan Polyakov — the discoverer of the ancient site of Kostenki 31

New research on the Paleolithic of Kostenki

- M. N. Zheltova, N. E. Zaretskaya.* New data on the chronostratigraphy of Kostenki 1, layer I 37
- A. E. Dudin.* Planigraphy of the third complex of cultural layer Ia of Kostenki 11 45
- S. N. Lisitsyn.* Finds of the Streletsian-type artifacts from the site of Borshchevo 5 in the Kostenki-Borshchevo area on the Don. 55
- A. A. Bessudnov.* Preliminary results of salvation works at the site of Kostenki 21 (Gmelin site) in 2013–2016. 62

The Old Stone Age of the Russian Plain

- A. K. Otcherednoi, E. V. Voskresenskaya, K. N. Stepanova, L. B. Vishnyatsky, P. E. Nekhoroshev, A. V. Larionova, N. E. Zaretskaya, E. K. Blokhin, A. V. Kolesnik.* Complex geoarchaeological studies of the Middle Paleolithic sites in the Russian Plain 74
- S. Yu. Lev.* New palaeolithic sites in Zaraysk. 84
- G. A. Khlopachev.* A reconstruction of the plan and some structural peculiarities of the Upper Paleolithic settlement of Yudinovo 97
- N. B. Akhmetgaleeva, N. D. Burova.* New horizons of research at the multilayered site of Byki in the Kursk oblast 107
- N. B. Leonova, E. A. Vinogradova.* The main cultural layer of Kamennaya Balka II: new data and materials obtained in 2014–2017 117
- A. V. Larionova, K. N. Stepanova.* Hammerstones from the Middle Paleolithic sites of Ketrosy and their context, complex 1, main cultural layer 126
- A. V. Kolesnik.* «Eastern Micoquian type» sites in Donbas and the Northeastern Azov Sea region 141

Discoveries in Crimea and the Caucasus

<i>V. E. Shchelinsky</i> . Excavations of the Early Pleistocene site of Kermek in the South Azov Sea littoral zone in 2017	151
<i>S. A. Kulakov</i> . Large cutting tools in the industry of the Early Paleolithic site Bogatyri/Sinyaya Balka	165
<i>K. N. Gavrilov, M. G. Zhilin</i> . Stone Age surface occurrences on the Kerch peninsula: preliminary results of the 2016–2017 reconnaissance works.	171

Paints and ornaments in the Paleolithic

<i>S. A. Demeshchenko</i> . Mineral pigment specimens and painted objects from Kostenki in the collection of the State Hermitage	181
<i>V. S. Zhitenev</i> . Practices of combined use of paint and clay at Kapova Cave: a preliminary report	188
<i>G. V. Sinitsyna, I. A. Grigorieva, E. Yu. Mednikova</i> . Engraved pebble from the Stone Age site of Lanino I/8, Tver oblast	195

Methods of recording in field research

<i>E. M. Kolpakov</i> . Electronic technologies in field research (Kola Expedition methods of field data analysis)	208
---	-----

List of abbreviations	213
---------------------------------	-----

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ СПАСАТЕЛЬНЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТ НА СТОЯНКЕ КОСТЁНКИ 21 (ГМЕЛИНСКАЯ) В 2013–2016 ГГ.¹

А. А. БЕССУДНОВ²

Ключевые слова: *верхний палеолит, Костёнки, гравитт, стратиграфия, планиграфия, каменный инвентарь.*

В работе представлены предварительные результаты спасательных археологических работ на стоянке Костёнки 21 (Гмелинская), которые проводились в 2013–2016 гг. силами Костёнковской археологической экспедиции ИИМК РАН. В результате визуальных осмотров обрыва коренного берега были обнаружены и исследованы три скопления основного (III) культурного слоя. Каждое из скоплений отличается по структуре культурного слоя и составу находок, что позволяет интерпретировать их в качестве участков с различной функциональной направленностью: 1) остатки «жилого комплекса» (?); 2) участок по изготовлению, переоформлению резцов и снятию с них резцовых сколов; 3) периферийная (межобъектная) часть поселения. Несмотря на значительную разницу между набором каменного инвентаря и сырьевым составом коллекций различных участков, материалы работ последних лет не способствуют разрешению проблемы разделения III культурного слоя на два самостоятельных комплекса.

DOI: 10.31600/2310-6557-2018-62-73

Введение

В 2013–2016 гг. силами Костёнковской археологической экспедиции ИИМК РАН (руководитель — А. А. Сеницын) проводились спасательные работы на нескольких участках стоянки Костёнки 21 (Гмелинская), в настоящее время разрушающихся и подлежащих хозяйственному освоению.

Стоянка была открыта Н. Д. Прасловым в 1956 г. и исследовалась под его руководством в течение нескольких полевых сезонов до середины 1980-х гг. В ходе работ 1976–1979 гг. было установлено, что на стоянке залегают три культурных слоя, два из которых (I и II) представлены единичными находками; верхний культурный слой предположительно представляет собой периферийную часть расположенной рядом стоянки Костёнки 3 (Праслов, Иванова 1982: 200). Основной культурный слой (III), приуроченный к отложениям гмелинской ископаемой почвы, исследован на площади более 500 м². Раскопами и зачистками были вскрыты несколько скоплений с высокой концентрацией находок, разделенных участками с единичными предметами. Несколько скоплений овальной формы интерпретировались в качестве «жилых комплексов» (Там же: 201–204; Иванова 1985). Исследования III культурного слоя доставили богатую коллекцию каменного и костяного инвентаря, в том числе уникальные для Восточной Европы гравировки животных на каменных гальках (Праслов 1985).

После многолетних раскопок на стоянке Н. Д. Прасловым высказывалось предположение, что была исследована если не вся, то основная площадь поселения. Это косвенно подтверждалось отсутствием находок в обнажении правого берега Дона, активно размываемого речными и сезонными водами. Изредка на памятнике собирались отдельные находки костей и кремней, но признаков культурного слоя в разрезе террасы не отмечалось. Однако начиная с 2013 г. вдоль берегового обрыва стали обнажаться линзы насыщенного культурного слоя, которые были изучены в целях сохранения информации.

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2018-0012 «Древнейшие обитатели России и сопредельных стран: пути и время расселения, эволюция культуры и общества, адаптация к природной среде». Полевые работы проведены при поддержке РФФИ, проекты № 17-06-00319а, 18-39-20009_мол_а_вед.

² Отдел палеолита, ИИМК РАН, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия.

В ходе работ 2013–2016 гг. были исследованы три участка культурного слоя вдоль берега Дона, а также заложен шурф в северо-западной части памятника, не давший находок (рис. 1). За исключением двух осколков кремня, обнаруженных на уровне залегания II культурного слоя в зачистке 2014 г., никаких находок в двух верхних слоях не было. Общая исследованная площадь III культурного слоя составила около 22 м², при этом каждый из вскрытых участков отличался по составу и плотности распределения культурных остатков. В связи с проблемой разделения материалов III культурного слоя на два обособленных

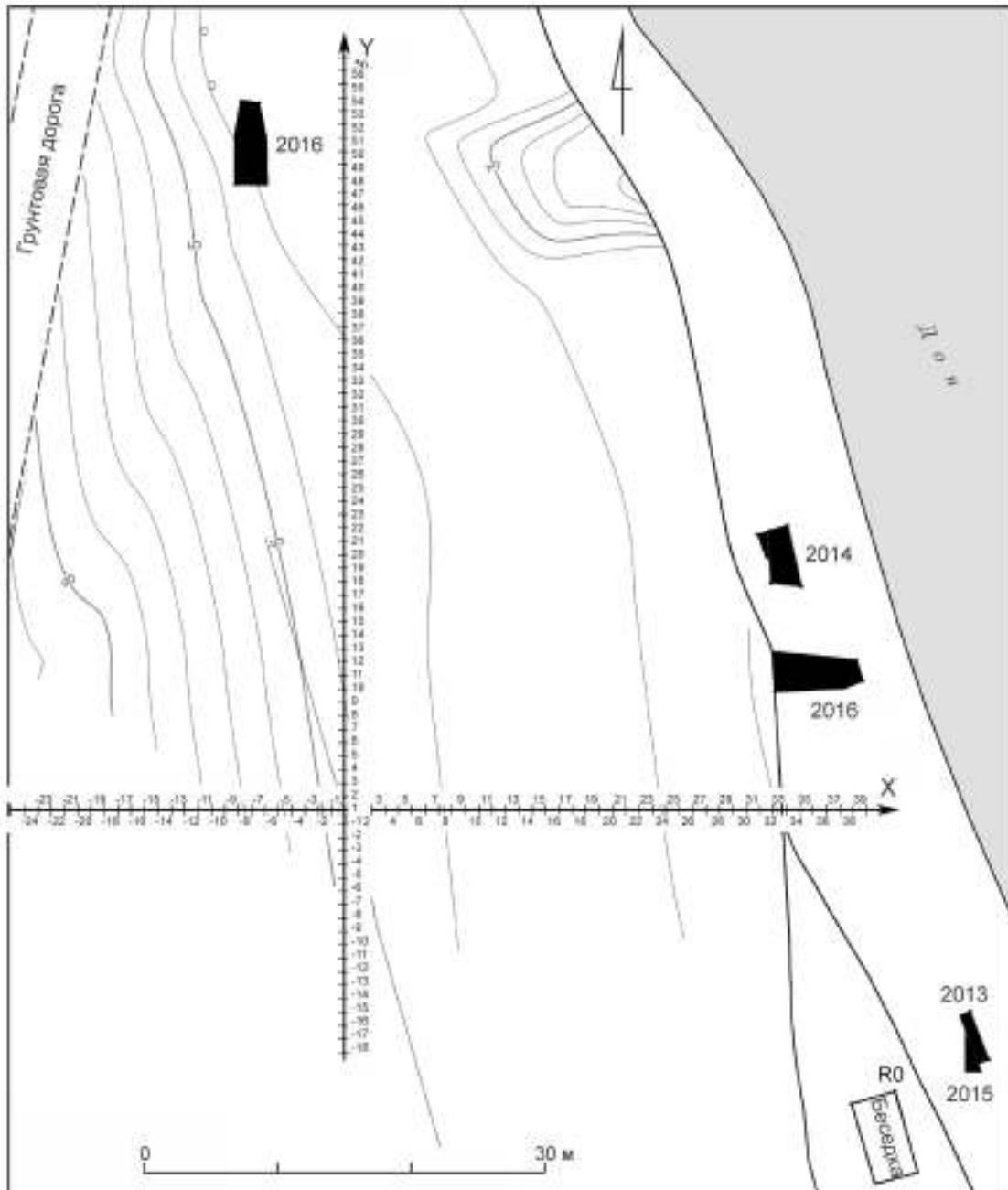

Рис. 1. Стоянка Костёнки 21 (Гмелинская), ситуационный план местности и положение зачисток и шурфов 2013–2016 гг. (система координат местная, съёмка плана проведена М. В. Маруниным)

Fig. 1. Kostenki 21 (Gmelin site), site layout plan showing the position of the 2013–2016 test pits and profile cuts (local coordinates, surveyed by M. V. Marunin)

комплекса (см.: Праслов, Иванова 1982: 201, 209; Иванова 1985: 12–15) описание изученных участков и происходящих из них коллекций приводится отдельно.

Одной из основных проблем нового этапа работ на памятнике стала невозможность привязки к раскопам и зачисткам 1950–1980-х гг. Из-за активной эрозии берега и хозяйственной деятельности все реперные точки (забетонированные куски рельсов и бетонные столбы) были уничтожены. Значительные изменения береговой линии Дона не позволили обнаружить какие-либо визуальные ориентиры для привязки зачисток и шурфов 2013–2016 гг. Поэтому была осуществлена тахеометрическая съемка основной площади охранной зоны памятника, а также создана новая, общая для всей площади стоянки квадратная сетка (рис. 1).

Стратиграфия

За исключением шурфа на кв. –X7–8/Y47–50, где была вскрыта четырехметровая косо-слоистая толща склоново-делювиальных отложений, на всех исследованных участках прослежена одинаковая последовательность геологических слоев. Наиболее полный разрез был получен в ходе работ 2016 г. (табл. 1, рис. 2).

В целом вскрытая толща напластований соответствует сложившимся представлениям о стратиграфии памятника, однако мощность отложений по сравнению с раскопами 1950–1980-х гг. существенно увеличилась. Если ранее глубина основного (III) культурного слоя в среднем составляла 3,5–4,5 м от дневной поверхности (Праслов 1964: 59; Праслов, Иванова 1982: 198–200), то по результатам работ последних лет оказалось, что III культурный слой залегает на глубине 7,5–8 м. Такое значительное увеличение мощности напластований лишь отчасти можно объяснить присутствием на месте зачистки перекрывающих чернозем техногенных отложений, достигающих 2,5 м. Вероятно, что глубина залегания III культурного слоя также выросла за счет увеличения толщи склоново-осадочных отложений по мере приближения к коренному склону.

За счет увеличения мощности отложений появились основания для более подробного членения стратиграфии, особенно слоистой толщи (слои 6–10)³, которая описывалась Н. Д. Прасловым единым горизонтом, достигавшим 2–3 м (Праслов, Иванова 1982: 198–200). В результате в разрезе зачистки 2016 г. было выделено 12 отдельных слоев (табл. 1, рис. 2), тогда как ранее описание аналогичной толщи включало 7 слоев.

Как и в предыдущие годы исследований, в разрезах зафиксированы три генерации мерзлотных деформаций — две нижние из них разбивают остатки III и, предположительно, II культурных слоев. Помимо этого, выше гмелинской почвы были обнаружены два горизонта гумусированного суглинка (слои 7 и 9), имеющие признаки эфемерного почвообразования и предположительно соотносящиеся с уровнями залегания двух верхних культурных слоев.

На всех участках остатки III культурного слоя связаны с нечетко выраженной серо-сизой гмелинской почвой, насыщенной железистыми включениями, нарушенной трещинами, заполненными серым суглинком. Внутри почвы отчетливо прослежены округлые в разрезе линзы повышенной (до брекчиеобразной) концентрации известковых стяжений (дутиков), относящихся к подстилающему геологическому слою.

Зачистка на кв. X47–48/Y16–19 (2013, 2015 гг.)

На площади около 5 м² расчисткой зафиксировано наличие хорошо выраженного культурного слоя с несколькими разрозненными зольно-углистыми линзами (рис. 3, 1), наличие которых ранее было зафиксировано только в «жилых комплексах» (Праслов, Иванова 1982: 198–200). В юго-восточной части зачистки они имеют ступенчатое и иногда наклонное падение поверхности; в северной части линзы зольно-углистой массы крупнее и четче выражены. В западной части зачистки зольные линзы встречаются отдельными небольшими

³ Здесь и далее нумерация слоев по новому описанию, выполненному автором.

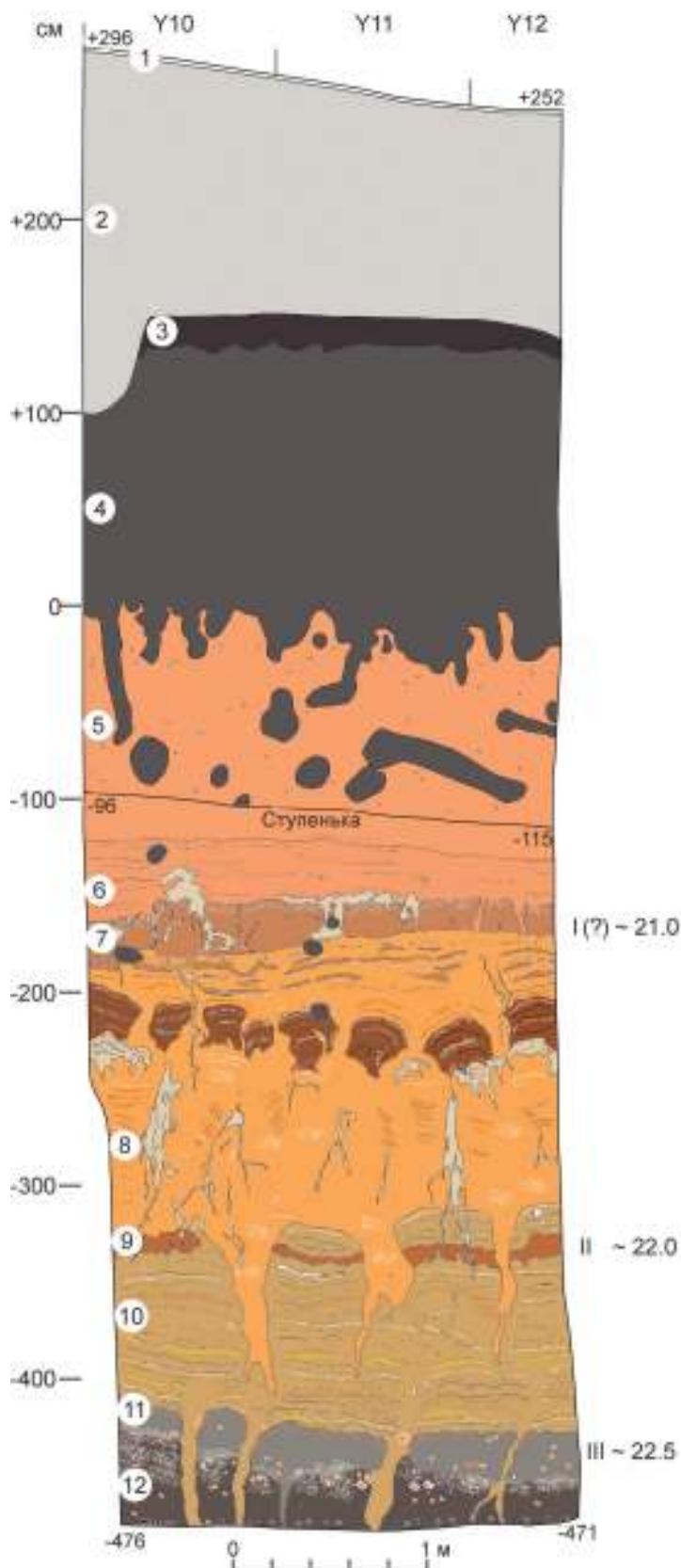
Т а б л и ц а 1

**Стратиграфия стоянки Костёнки 21 по разрезу западной стенки зачистки 2016 г.
на кв. У10–12**

№	Описание слоя	Мощность (м)
1	Дерн	0,04–0,05
2	Техногенный слой — перемес чернозема и суглинка с включениями битого кирпича, щебенки, древесного угля и шлака	1,2–2,10
3	Слой чернозема с включениями красного битого кирпича	0,15–0,20
4	Современная почва (чернозем) со срезанной верхней частью	1,10–1,60
5	Лессовидный суглинок светло-коричневого цвета с редкой меловой крошкой. В большом количестве встречаются кротовины, заполненные черноземом	0,96–1,15
6	Светло-коричневый слоистый суглинок с прослойками меловой крошки и частыми включениями белесых карбонатных линз	0,25–0,35
7	Горизонт гумусированного суглинка ярко-коричневого рыжевато-коричневого цвета (горизонт эфемерного почвообразования?). Оба контакта резкие. Прорезан многочисленными мелкими трещинами, заполненными белесым карбонатным суглинком, которые спускаются с вышележащего слоя	0,17–0,25
8	Рыхлый бурый суглинок с выраженной слоистостью, которая становится более четкой книзу за счет повышенного включения прослоек меловой щебенки. Зафиксированы два горизонта мерзлотных (?) деформаций — трещин, которые прорезают слоистую толщу. Со средней части слоя опускаются мощные трещины, заполненные карбонатами	1,45–1,85
9	Горизонт гумусированного суглинка («верхняя ископаемая почва», по Г. И. Лазукову), разбитый опускающимися из слоя 8-ю клиньями	0,07–0,15
10	Тонкослоистая толща чередующихся прослоек песка, суглинка, меловой крошки, вероятно, аллювиального происхождения (пойменный аллювий?). Толща прорезана мерзлотными клиньями, опускающимися с основания слоя 8. Встречаются пятна ожелезнения	1,10–1,35
11	Гумусированный сильно опесчаненный суглинок сизого и серого цветов, представляющий гмелинскую ископаемую почву. Встречены карбонатные включения, количество которых увеличивается книзу. Почва разбита мерзлотными клиньями, опускающимися с основания слоя 10. Сильно ожелезненная. К погребенной почве приурочены остатки III культурного слоя	0,20–0,25
12	Темно-коричневый оглеенный суглинок, сильно насыщенный карбонатными стяжениями, пятнами ожелезнения и марганцевыми примазками (Вк гмелинской почвы, по С. А. Сычёвой)	Видимая мощность — 0,25–0,35

пятнами, иногда вытянутыми в плане. Все они интенсивно насыщены древесным углем, фрагментами костей мелких животных и мелкими кремневыми чешуйками, за их пределами находки единичны. На границе кв. Х47/–У17–Х47/–У18 обнаружено небольшое (6 см в поперечнике) пятно малиновой охры, которое залегает рядом с зольно-углистой линзой, продолжающейся в западном направлении.

Разброс находок по вертикали на вскрытой площади составляет 25 см. Вероятно, предметы, расположенные близко к линии обрыва, смещены относительно своего первоначального положения. Находки с вертикальным положением отсутствуют, что отличает вскрытый участок от площади зачистки 2014 г.

Коллекция каменного инвентаря, собранного с участка Х47–48/–У16–19, насчитывает немногим более 200 предметов (табл. 2), среди которых имеется всего пять изделий со вторичной обработкой: две микропластинки с мелкой краевой ретушью и поперечным усечением конца (рис. 4, 1, 2) (в одном случае — двойным усечением — рис. 4, 2), прямо усеченная пластинка с ретушью (рис. 4, 4) и микропластинка с притупленным краем, дистальный конец которой скруглен вертикальной ретушью (рис. 4, 3). Среди апплицируемых сколов абсолютно преобладают сломы отщепов и пластин.

Зачистка на кв. Х33–38/У10–12 (2016 г.)

В пределах зачистки на площади около 9 м² на кв. Х35–38/У10–12 (рис. 5) был вскрыт периферийный участок III слоя, в котором найдены единичные фрагменты костей и зубов мамонта и резцовый скол. Как и на соседних исследованных участках, горизонт находок имел следы мерзлотных деформаций, представленных клиньями с наклонно растащенными фрагментами костей с перепадом высотных отметок до 39 см. Вполне вероятно, что пластины зуба мамонта, встреченные в северной и центральной частях зачистки, являются фрагментами одного зуба, разрушенного и растащенного в древности по заполнению трещин.

Рис. 2. Стоянка Костёнки 21 (Гмелинская), стратиграфия по разрезу западной стенки зачистки 2016 г. на кв. У10–12 с положением культурных слоев и допустимым радиоуглеродным возрастом (нумерация слоев соответствует описанию в табл. 1)

Fig. 2. Kostenki 21 (Gmelin site), 2016 test cleaning, stratigraphy of the western wall in sq. У10–12 with the position of cultural layers and assumed radiocarbon ages (layer numbering corresponds to that in table 1)

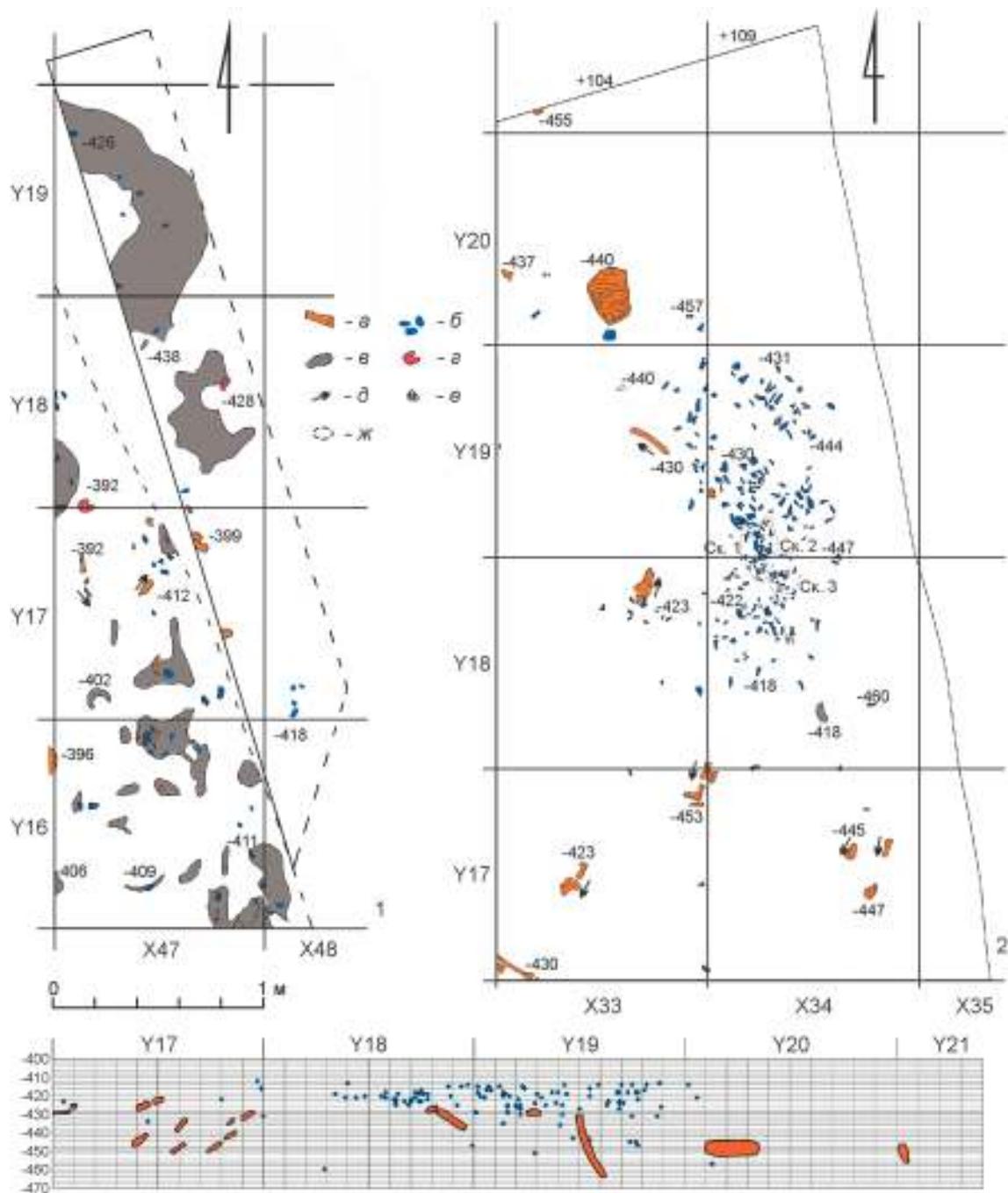

Рис. 3. Стоянка Костёнки 21 (Гмелинская), планиграфия находок III культурного слоя в зачатках на кв. X47–48/–Y16–19 (1), X33–35/Y17–21 (2) и их вертикальное распределение на кв. X33–35/Y17–21 в направлении Ю–С (3): *a* — кости; *б* — кремни; *в* — зольно-углистая масса; *з* — охра; *д* — направление наклонного залегания находок; *е* — мергель; *ж* — границы и номера скоплений кремня

Fig. 3. Kostenki 21 (Gmelin site), cultural layer III, distribution of finds in sq. X47–48/Y16–19 (1), X33–35/Y17–21 (2) and their vertical distribution in sq. X33–35/Y17–21 along the south–north axis (3): *a* — bones; *б* — flints; *в* — ash-coaly mass; *з* — ochre; *д* — inclination of finds; *е* — marl; *ж* — limits and numbers of flint accumulation

Единственное кремневое изделие — резцовый скол полупрозрачного мелового кремня — имеет самую высокую гипсометрическую отметку. Определенного рода сортировка находок на два уровня была также зафиксирована в зачистке 2014 г., где основной горизонт находок с легкими и мелкими предметами превышал уровень фаунистических находок на 15–20 см. Видимо, сходная ситуация представлена в зачистке 2016 г., хотя малочисленность культурных остатков не позволяет проследить подобную вертикальную сортировку находок.

Зачистка на кв. Х33–35/У17–21 (2014 г.)

Культурные остатки III слоя были встречены на всей вскрытой площади (~ 8 м²), однако наибольшая концентрация прослежена на площади около 2 м² (рис. 3, 2). Основным горизонт залегания находок представлен преимущественно расщепленными кремнями, мелкими фрагментами костей (3–4 см), единичными комочками красной охры и кусочками древесных углей. Скопление не имело резких границ, каких-либо конструктивных элементов не обнаружено. Разброс находок по вертикали — 7–10 см, однако часть кремневых предметов (преимущественно больших размеров) находилась ниже основного уровня залегания, в заполнении клиньев. Наибольший отрыв находок в мерзлотных трещинах от уровня культурного слоя достигает 40 см (рис. 3, 3), при этом большинство кремневых находок, обнаруженных в заполнении трещин, залегают на ребре или стоят вертикально. На 10–20 см ниже основного уровня находок были обнаружены фаунистические остатки, в основном представленные костями мамонта. Здесь, в отличие от основного яруса находок, встречены только крупные кости. Лишь несколько из них имеют субгоризонтальное положение, большая часть имеет наклонную позицию под большими углами. Отрыв костей от основного уровня залегания находок, их положение, а также вертикальная сортировка кремневого инвентаря (в заполнении клиньев обнаружены преимущественно крупные предметы) свидетельствуют о мерзлотных процессах, частично деформировавших культурный слой. В то же время принадлежность основного горизонта кремневых находок и горизонта костей к одному культурному слою не вызывает сомнений.

Т а б л и ц а 2

Распределение категорий каменного инвентаря по различным участкам

Категории	Участки			Всего:
	Х47–48/–У16–19 (2013, 2015 гг.)	Х33–35/У17–21 (2014 г.)	Х35–38/У10–12 (2016 г.)	
Чешуйки и осколки < 1 см	121	550	–	671
Отщепы 1–3 см	34	92	–	126
Отщепы 3–5 см	3	5	–	8
Осколки	15	15	–	30
Резцовые сколы (из них с ретушью)	10 (3)	86 (38)	1	97 (41)
Пластины и их фрагменты	14	105	–	119
Изделия со вторичной обработкой	5	36	–	41
Нуклеусы	–	4	–	4
Сколы выравнивания фронта	–	2	–	2
Краевые сколы	1	3	–	4
Реберчатые сколы	–	7	–	7
Сколы подправки площадки	1	2	–	3
Отщепы с ретушью	1	–	–	1
Осколки железистых конкреций	9	–	–	9
Галька без обработки (?)	1	–	–	1
Плитка с единичными сколами	1	–	–	1
Итого:	216	907	1	1124

Таблица 3

Распределение изделий со вторичной обработкой по различным участкам

Категория	Участки		Всего:
	X47–48/–Y16–19 (2013, 2015 гг.)	X33–35/Y17–21 (2014 г.)	
Микропластинки с притупленным краем	2	2	4
Пластины с ретушью	–	2	2
Микропластины с ретушью	1	–	1
Пластины с ретушью и усечением	2	–	2
Микроострие	–	1	1
Скребки	–	1	1
Резцы:	–	30	30
<i>срединные</i>	–	15	–
<i>на сломе</i>	–	5	–
<i>комбинированные</i>	–	3	–
<i>на естественной кромке</i>	–	2	–
<i>ретушные</i>	–	1	–
<i>трансверсальные</i>	–	1	–
<i>обломки резцов</i>	–	3	–
Итого:	5	36	41

Коллекция каменного инвентаря насчитывает более 900 находок (табл. 2). Среди нуклеусов преобладают вторичные: на крупных отщепах, осколках или пластинах (рис. 4, 14). Обнаружен также крупный дисковидный нуклеус, изготовленный из местного желтого кремня. Основную часть изделий со вторичной обработкой составляют резцы различных типов (табл. 3), среди которых преобладают двугранные многофасеточные (рис. 4, 9–12). Лишь один резец изготовлен на ретушированной площадке (рис. 4, 16). Единичными изделиями представлены: скребок (рис. 4, 8), микроострие (рис. 4, 6), две пластинки с притупленным краем (рис. 4, 5, 7) и две пластины с ретушью (рис. 4, 15). Часто встречаются аппликации различных сколов, среди которых преобладают связи резец–резцовый скол (см.: рис. 4, 12 и 13).

Таким образом, в ходе работ 2013–2016 гг. были исследованы три различные по структуре и составу находок линзы культурного слоя, что позволяет предварительно интерпретировать их в качестве участков с различной функциональной направленностью:

1) зачистка на кв. X47–48/–Y16–19 с зольно-углистыми линзами, насыщенными находками, — предположительно остатки так называемого жилого комплекса (?);

2) зачистка на кв. X33–35/Y17–21 с локальным скоплением расщепленного кремня — «производственный» участок по изготовлению, переоформлению резцов и снятию с них заготовок — резцовых сколов;

3) зачистка на кв. X35–38/Y10–12 с единичными находками — периферийная (межобъектная) часть поселения.

Каждый из исследованных участков отличается по составу каменного инвентаря (табл. 2), что особенно ярко выступает при сравнении изделий со вторичной обработкой. Если в зачистке 2014 г. абсолютно преобладают резцы, то на участке 2013–2015 гг. резцы вообще отсутствуют, а орудийный набор в основном представлен микроинвентарем. При этом сырьевой состав коллекций участков X47–48/–Y16–19 и X33–35/Y17–21 существенно отличается в процентном соотношении: в первом меловой кремень абсолютно преобладает (97 %), а во втором составляет только около 50 % от общего числа предметов.

Несмотря на значительную разницу между набором каменного инвентаря и сырьевым составом коллекций различных участков, материалы работ последних лет не способствуют

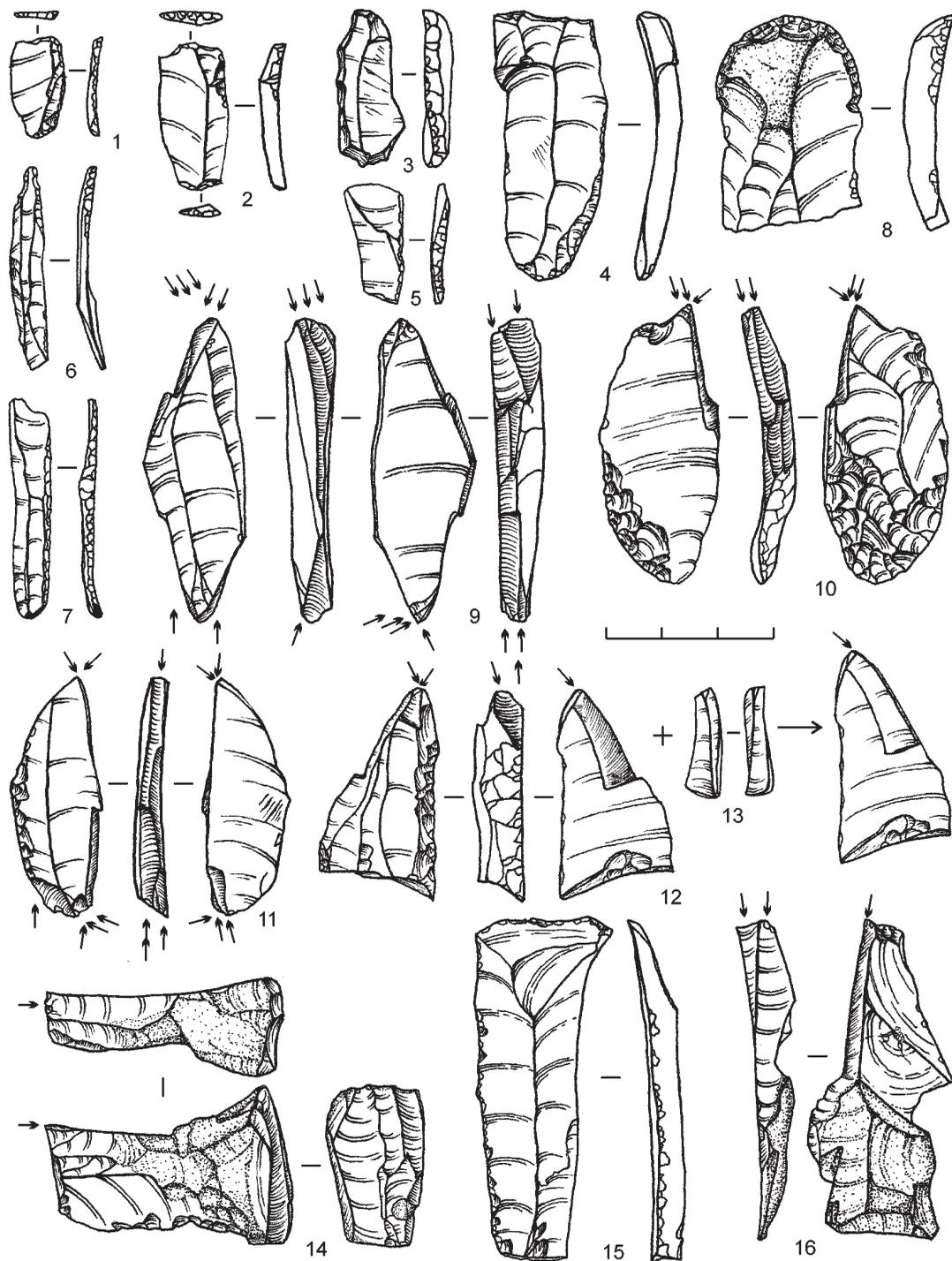

Рис. 4. Стоянка Костёнки 21 (Гмелинская), кремневый инвентарь III культурного слоя: 1-4 — из зачисток на кв. X47-48/Y16-19; 5-16 — из зачисток на кв. X33-35/Y17-21

Fig. 4. Kostenki 21 (Gmelin site), flint inventory of cultural layer III: 1-4 — from profile cuts in sq. X47-48/Y16-19; 5-16 — from profile cuts in sq. X33-35/Y17-21

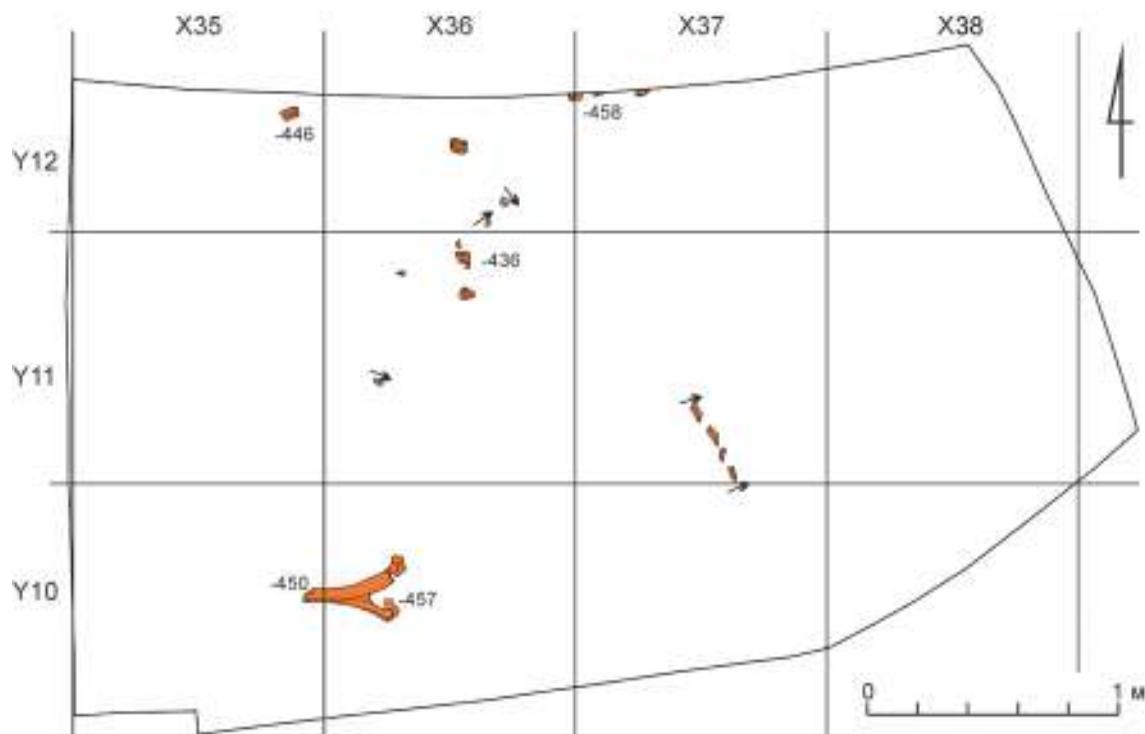

Рис. 5. Стоянка Костёнки 21 (Гмелинская), план расположения находок III культурного слоя в зачистке на кв. X35–38/Y10–12. Условные обозначения см. на рис. 3

Fig. 5. Kostenki 21 (Gmelin site), cultural layer III, distribution of finds in sq. X35–38/Y10–12. Legend see on fig. 3

разрешению проблемы разделения III культурного слоя на обособленные комплексы. В первую очередь это обусловлено отсутствием в новых коллекциях гмелинских наконечников и аносовских острий, которые являются ведущими типами для разных комплексов (см. ниже). Осложняет задачу также невозможность корреляции новых исследованных участков со старыми раскопами.

Обсуждение

Значительная исследованная площадь III культурного слоя, богатая коллекция каменного и костяного инвентаря и обеспеченность комплексом естественно-научных данных делают Костёнки 21 одним из наиболее изученных памятников в Костёнках. Вместе с тем материалы памятника до сих пор вызывают немалый интерес у исследователей различных направлений и способствуют постановке и решению важнейших вопросов археологии палеолита.

К таковым относится проблема разделения материалов III культурного слоя на два самостоятельных комплекса. Планиграфическая приуроченность специфических типов орудий к различным участкам стоянки — наконечников с боковой выемкой к двум южным жилым комплексам, а аносовских острий к четырем северным — ставила вопросы о дифференциации площади поселения с различной хозяйственно-бытовой и социальной нагрузкой и даже разнотипности комплексов, залегающих в единых геологических условиях (Праслов, Иванова 1982: 209; Иванова 1985: 12–15; Kozłowski 1986: 149; Аникович и др. 2008: 205–206). Проблема корреляции различных участков одного памятника является особенно насущной для Костёнок из-за склонового положения всех стоянок и локально изменяющейся стратиграфии. Примеры разделения одного (?) культурного слоя на два участка (Костёнки 1 [III, V] — «западный»

и «восточный» [Аникович и др. 2008: 94–102; Дудин 2014], Костёнки 14 [IVб, IVw] — «западный» и «восточный» [Синицын и др. 2017] и другие) иллюстрируют, что окончательный вывод о взаимном сопоставлении культурных слоев в различных частях памятника может быть сделан только после соединения их протяженным разрезом. Таким образом, вопрос должен решаться в первую очередь в процессе полевых работ.

В случае с III культурным слоем Костёнок 21 следует отметить, что различия в коллекциях каменного инвентаря «северного» и «южного» комплексов преимущественно касаются двух ведущих типов — гмелинских наконечников с боковой выемкой и аносовских острий, остальной же набор орудий различается незначительно и по технико-морфологическим показателям определяется как граветтский. Таким образом, даже если допустить, что в III культурном слое исследованы остатки разнокультурных поселений, оба они относятся к граветтскому технокомплексу. В этом случае данные стратиграфии указывают на то, что если поселения и были оставлены в разное время, то их разделял относительно небольшой отрезок времени (от десятков до сотен лет?).

Вне зависимости от проблемы гомогенности III культурного слоя он представляет собой наиболее позднее проявление граветта в Костёнках с радиоуглеродным возрастом около 22,5 тыс. л. н. (Синицын и др. 1997: 49). В результате передатировки большинства граветтских стоянок в Костёнках с использованием новейших методов очистки образцов (Reynolds et al. 2015; 2017; Дудин и др. 2016; Douka, Hihgam 2017; и др.) становится очевидно, что различные варианты граветта, представленные в Костёнках, не были «геологически одновременны», как считалось ранее (Бессуднов 2006; Синицын 2013), а относительно равномерно распределяются в периоде 28–22 тыс. л. н. (см.: Лисицын 2016). Таким образом, III культурный слой Костёнок 21, имея самые молодые радиоуглеродные даты, является заключительным этапом эпохи граветта в Костёнках.

Литература

Аникович и др. 2008 — Аникович М. В., Попов В. В., Платонова Н. И. Палеолит Костёнковско-Борщёвского района в контексте верхнего палеолита Европы. СПб.: Нестор-История, 2008. 304 с. (Тр. КБАЭ. Вып. 1).

Бессуднов 2006 — Бессуднов А. А. Культурные различия и модели адаптации граветта Костёнок // Матишов Г. Г. (ред.). Позднекайнозойская история севера аридной зоны (Кайнозойский мониторинг природных событий аридной зоны юга России): Материалы междунар. симпозиума (Ростов н/Д (Азов, 26–29 сентября 2006 г.). Ростов н/Д: ЮНЦ РАН, 2006. С. 286–289.

Дудин 2014 — Дудин А. Е. Стоянка Костёнки 1, слой III: новые материалы и новые проблемы (предварительные итоги раскопок 2004–2012 гг.) // Васильев С. А., Ткач Е. С. (ред.). Верхний палеолит Северной Евразии и Америки: памятники, культуры, традиции. СПб.: Петербургское востоковедение, 2014. С. 171–178.

Дудин и др. 2016 — Дудин А. Е., Пустовалов А. Ю., Платонова Н. И. Второй культурный слой стоянки Костёнки 8 (Тельманская): структура, объекты, микростратиграфия // Вестник НГУ. История, филология. 2016. Т. 15. Вып. 3. С. 41–52.

Иванова 1985 — Иванова М. А. Структура Гмелинского палеолитического поселения (по результатам планиграфического и типологического анализа кремневого инвентаря): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1985. 17 с.

Лисицын 2016 — Лисицын С. Н. Эпоха граветта в Костёнках: культурная история и палеоландшафт // Панин А. В., Тимирёва С. Н., Куренкова Е. И., Кононов Ю. М. (ред.). Пути эволюционной географии: МВНК, посвящ. памяти проф. А. А. Величко (Москва, 23–25 ноября 2016 г.). М.: ИГ РАН, 2016. С. 687–692.

Праслов 1964 — Праслов Н. Д. Гмелинская стоянка в Костёнках // КСИА. 1964. Вып. 97. С. 59–63.

Праслов 1985 — Праслов Н. Д. Гравированные изображения животных в Гмелинской позднепа-

леолитической стоянке (Костёнки 21) // Верецагин Н. К., Кузьмина И. Е. (ред.). Млекопитающие Северной Евразии в четвертичном периоде. Л.: Наука, 1985. С. 114–118 (Тр. ЗИН РАН. № 131).

Праслов, Иванова 1982 — *Праслов Н. Д., Иванова М. А.* Костёнки 21 (Гмелинская стоянка) // *Праслов Н. Д., Рогачёв А. Н.* (ред.). Палеолит Костёнковско-Борщёвского района на Дону. 1879–1979. Некоторые итоги полевых исследований. Л.: Наука, 1982. С. 198–210.

Синицын 2013 — *Синицын А. А.* Граветт Костёнок в контексте граветта Восточной Европы // *Синицын Г. В.* (ред.). Проблемы заселения северо-запада Восточной Европы в верхнем и финальном палеолите (культурно-исторические процессы). СПб.: Элексис, 2013. С. 4–32.

Синицын и др. 1997 — *Синицын А. А., Праслов Н. Д., Свеженцев Ю. С., Сулержицкий Л. Д.* Радиоуглеродная хронология верхнего палеолита Восточной Европы // *Синицын А. А., Праслов Н. Д.* (ред.). Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии. Проблемы и перспективы. СПб.: Академпринт, 1997. С. 21–66.

Синицын и др. 2017 — *Синицын А. А., Синицына Г. В., Бессуднов А. А., Артюшенко А. А.* Раскопки нижнего культурного слоя Костенок 14 (Маркина гора) на западном участке памятника // Археологические открытия. 2015 год. М.: ИА РАН, 2017. С. 194–197.

Douka, Higham 2017 — *Douka K., Higham T.* The Chronological Factor in Understanding the Middle and Upper Paleolithic of Eurasia // *Current Anthropology*. 2017. Vol. 58, no. S17. P. 480–491 (DOI:10.1086/694173).

Kozłowski 1986 — *Kozłowski J. K.* The Gravettian in Central and Eastern Europe // *Advances in World Archaeology*. 1986. Vol. 5. P. 131–200.

Reynolds et al. 2015 — *Reynolds N., Lisitsyn S. N., Sablin M. V., Barton N., Higham T.* Chronology of the European Russian Gravettian: new radiocarbon dating results and interpretation // *Quartär*. 2015. No. 62. P. 121–132.

Reynolds et al. 2017 — *Reynolds N., Dinnis R., Bessudnov A. A., Deviese T., Higham T.* The Kostenki 18 child burial and the cultural and funerary landscape of Mid Upper Palaeolithic European Russia // *Antiquity*. 2017. Vol. 91, is. 360. P. 1435–1450.

PRELIMINARY RESULTS OF SALVATION WORKS AT THE SITE OF KOSTENKI 21 (GMELIN SITE) IN 2013–2016

A. A. BESSUDNOV

Keywords: *Upper Paleolithic, Kostenki, Gravettian, stratigraphy, planigraphy, stone inventory.*

The work presents preliminary results of rescue excavations of Kostenki 21 (Gmelin site) carried out by the Kostenki Archaeological Expedition of IHMC RAS in 2013–2016. As a result of visual examination of the bank escarpment, three accumulations of archaeological material associated with the main (III) cultural layer were found and studied. Each of them differs in its structure and composition of finds, which makes it possible to interpret them as functionally different areas: 1) remains of a «dwelling complex» (?); 2) area devoted to the production and re-shaping of burins (including detachment of burin spalls); peripheral (intermediate) part of the site. Despite the fact that the areas in question vary in both the composition of stone inventory and the assortment of raw materials, the available evidence remains insufficient to decide whether the III cultural layer should be subdivided into two independent complexes.